

> ПОЭЗИЯ

ГАЛИНА ЛАХМАН

Казалось, время повернулось вспять

*Мне распахнул объятия старый кров
И дал воды с осьмушкой черной хлеба,
Смотрелся в окна частокол дворов,
А дальше – лес и озеро в полнеба.*

*Вдоль по забору растстилался сад,
Спал под забором бывший вор-острожник.
За старой баней пламенел закат
И маялся на солнце подорожник.*

*Ватага отправлялась на причал,
Дремали мирно у причала лодки,
И что-то мне приветственно кричал
Вихрастый мальчик
в старенькой пилотке...*

*Казалось, время повернулось вспять,
И я бегу, забыв про все на свете,
На склон судьбы, где молодой рыбак,
Смеясь, раскинул солнечные сети...*

*Вновь дал приют мне одичалый кров,
Лоток воды с осьмушкой черствой хлеба.
Вновь ожили картины детских снов:
Тропа, поляна и над ними небо...*

*Змеюю грелась на песке река,
Над ней в небесно-голубой купели
Тянулись связкою устало облака
И о своем неслично шептели...*

*В траве кузнечик проверял смывок,
Разучивая новую балладу.
Ему негромко подпевал сверчок,
За старой печкой выводя гуладу.*

*В соседнем доме раздавался стук:
Тон всей округе задавал сапожник.
А по дороге, прямо через луг,
Был виден церкви голубой кокошник.*

*Звонарь-мальчишка, разгоняя сон,
Тревожил колокол на старой колокольне.
И маялся над паиной долгой стон,
И затихал в далекой старой ишталне.*

*Я вновь стою под сенью старых крон,
И звонко тишина поет от зноя.
И плыл, и плыл церковный тихий звон,
Даряя мне мгновения покоя...*

*Земными соками питался старый сад,
Запущенный, распутич как полово.
И яблоко, наполнен солнцем бок,
В мое окно из прошлого стучало.*

*Дразнящей походкой распутица-осень
Хозяйкою входила в лесные палаты.
Небрежно взмахнув драгоценной полою,
Смеялась над летом, латавшим заплаты.*

*Срывала с лесов полинялые ситицы,
Локтями к мечте пробивала дорожу.
Вершила бесчинства на капище жизни,
Молилась неистово богу Сварогу.*

*Весь мир превращала в сплошное застолье,
Владычицы мира ей мнилось корона...
Сорила деньгами и сыпала златом,
И лето прогнала с законного трона.*

*На пир зывала всех встречных прохожих,
Кружила их в вихре утех и желаний.
Пошла их сладостной папюток лести
Пьянила их ядом нежданных признаний*

*Ковры выстилала для плясок безумных
Танцующих, одетых в пурпур и атласы,
С изыществом легким шального повесы
На каждом шагу совершала проказы.*

*Серебряной кистью холсты водоемов
Рукой живописица умело ступила,
Жемчужной пылкой обсыпала дубравы,
День-ночь напролет хороводы водила.*

*Я с буйством природы лишалась рассудка:
От спектра цветов и событий пьянея. –
Жадала, что прозрение сойдет мне на душу
И лес мне доверит язык Берендея.*

Прощание

*Все умножилось. Вкус рябины
Стал горче, чем был, стократ.
Георгины – гардемарины
Исподлобья на мир глядят.*

*Сна лишает огонь желаний,
Дальних странствий зовущий свет.
Как по бритве, иду по грани
Прошлых дней и срядющих лет.*

*Шквал обрушился, смыло за борт
Назиданий и правил том.
На задворках воспоминаний
Собираю ненужный лом.*

*Я цепляюсь за все былое,
Осознание все острее:
Все быстрее мой мчится поезд
В неизвестность из ясных дней.*

*В неизвестность безут ступени,
Стало счастье сухим листом.
Жажду жизни, как жажду странствий,
Никаким не смирит постом.*

*Прошлой жизни стихают звуки,
Громче музыка новых дней,
С ног сбивает мечта и манит
В бесконечность идти за ней!*

*Тонет мир. Слово плот спасения,
Я пытаюсь поймать твой взгляд.
Надо мной паруса надежды
Не плывут, не плывут – летят.*

Вокруг горы Магнитной

> Беседа с «писателем чести»

и «фантазитором» Николаем Вороновым

КОГДА ОН подарил мне свою повесть «Приговоренный Флерушка», я с первых же ее страниц был заворочен ароматом его прозы. Если цвет – то «истемна-синий». Если кедренек – то «иглисто-веерный». Если сугроб, то «затверделый до фаянсовости».

Если рука – то «накогченная в пальцах». Если «мытые вперегиб, по старинке», то оно «отзывалось в женщинах надрывным выражением лица». А вот еще: «Как земснарядом, своим главноредакторским портфелем он качал золотые пески гонораров». Это из еще не изданной автобиографической «Истины о самом себе». Казалось бы, мемуары – можно расслабиться. Но не расслабляется 84-летний Николай Воронов, автор когда-то скандально известной «Юности в Железнодорожке», напечатанной в «Новом мире» Твардовским. В той же «Исповеди...» нахожу: «Выращенный рабоче-крестьянской средой, я сложился писателем чести и остаюсь им». А вот строки из письма Воронову Валентина Катаева, находившегося 5 апреля 1969 года в Кунцевской больнице: «Дорогой Коля! Ваше положение понимаю вполне и должен вам сказать следующее: вы написали выдающуюся книгу «Юность в Железнодорожке». Это не комплиментность и не преувеличение, а так оно и есть. Какие дивные описания! Какая точность, свежесть, правдивость, какая душа и сердце! Не имеет смысла перечислять все эпизоды, которые могли бы украсить книгу любого первокассного писателя, включая и самых великих. И я счастлив, что Вы когда-то немного учились у меня нашему прекрасному писательскому ремеслу...»

– **Николай Павлович, «Юность в Железнодорожке» требовали запретить еще до того, как она увидела свет в «Новом мире». Запретить – не читая. Сегодня, через оптику более чем сорокалетней давности, когда любой литературный запрет выглядит анахронизмом, меня интересует вот какая вещь: были ли в тексте «Юности...» с точки зрения того времени действительно веские основания для ее запрета?**

– Сточки зрения того времени в моем романе было много правды. Правды о Магнитке, где прошли мои детство, отрочество и юность, но я имел в виду и другие металлургические заводы, где мне приходилось бывать. Например, описал пуск домы, как американские специалисты убеждали не торопиться, а наши гнули свое, и пуск начался с аварии, когда – во шню горновому впились огненная дождинка, и он, хватая ее, словно осу, вонзившую жало, крикнул: «Берегись! Чугун уходит!» Это считалось клеветой. А было на самом деле. Кроме того, я написал, что люди жили бедно. Очень бедно. И не просто написал – изобразил.

– **Вам бы впору преподавать мастер-класс живописи: «Столбы дыма были кольячатыми, раструбистыми, жуковочерными, космы из них свисали желтоватые; клубы, летевшие из кирпичных труб над огромным стекляннокрышим зданием, восхитили Марию: синее трепетало рядом с красным, оранжевое, сливаясь с голубым, возносилося зеленым, на темном пылало алое...» На палитру дымов вы, ей-богу, не поскупились.**

– Но и это – правда. И вот на имя Суслова, тогдашнего идеолога ЦК КПСС, и Тяжельникова, возглавлявшего комсомол, пришло письмо от так называемых ветеранов магнитогорского землекчества в Москве, требующих запретить публикацию. Вы верно заметили: пришло оно еще до того, как был напечатан 11-й номер «Нового мира» за 1968 год. То есть его подписанты вообще не читали этой вещи. В результате воздействия цензуры, отдела культуры ЦК, обсуждения в самом журнале и двух обсуждений на секретариате Союза писателей СССР от моего романа в 720 страниц осталось только 360, которые и были опубликованы Твардовским. Чтобы я не печатал вторую половину «Юности...», меня вызвали в Калужский обком партии. Живя тогда в Калуге и будучи там ответственным секретарем писательской организации, я вел довольно независимый образ жизни, в которую до сей поры никто не вмешивался. А тут мне говорят: «А вы знаете, что журнал Твардовского – криминальный? Завтра придете к 9 утра к Беляеву (он был замзавсектором печати отдела культуры ЦК). И то, что он вам предложит, считайте, что это мнение ЦК и членов Политбюро. Если не согласитесь с его предложением, три года вас печатать не будут». Цельй дерь у нас было собеседование с Альбертом Беляевым. Он настаивал, чтобы я признал критику. На второй день беседа шла уже в присутствии членов редколлегии «Нового мира» Лакишина и Хитрова. Потом их выпроводили. И Беляев задал мне вопрос напрямик: «Вы забираете вторую половину романа на доработку?» Я: «Нет!» А заместитель Твардовского Алексей Кондратович еще утром уведомил, что Александр Трифонович будет ждать меня из ЦК в редакции даже ночью. Я пришел к Твардовскому в половине одиннадцатого ночи. Он встал из-за стола. «Согласились?» – «Не согласился».

– «Ну, молодец!» – воскликнул Александр Трифонович. Мы вас защищали, не соглашались. И вы не согласились. Это здорово! Вдруг – звонок. Слышимость колоссальная, особенно если звучит баритон, привыкший к внушениям. На

проводе – Альберт Беляев. «Александр Трифонович, а Воронов-то согласился забрать вторую половину своей «Юности!» Я кричу: «Александр Трифонович, дайте мне трубку!» Беляев – из своей преисподней: «Не давать ему трубки!» И тут Твардовский так его понес! Матом! И таким, что я, возросший в рабочих бараках, не слышал, чтобы кто-то из мужиков, даже уголовников, так изъяснялся. Потом мы с Твардовским посидели молча, о чем-то слегка поговорили, и он сказал: «Я вас подвезу – где вы остановились?» И когда он подвез меня на Кропоткинскую, прежде чем мы расстались, Александр Трифонович с усталой горечью выдохнул: «Наступают последние времена!»

– **Известно, что название вашему роману дал сам Твардовский. То есть у романа было первоначальное звучание?**

– «Все время ветер». На Магнитке всегда практически ветер. И не один – другой раз дуют они вперекрест, и от этого волны, когда ты смотришь на пруд, становятся клетчатými. Но Александр Трифонович предложил назвать «Юность в Железнодорожке». Он считал, что надо преподнести все скромнее, чтобы не возбуждать нежелательных толков. К тому же в последние «новомирские» годы Твардовский однажды признался Кондратовичу: «У меня не было юности». Может, поэтому он и назвал мою вещь «Юность в Железнодорожке», соединив юность с железной участью?

– **И все-таки вторая часть «Юности в Железнодорожке» так и не была напечатана в «Новом мире». Роман увидел свет многие годы спустя, когда он вышел отдельной книгой. Я знаю, что на определенном этапе вы сделали фигурой поднадзорной: ваши письма перлюстрировались, телефон прослушивался. Но ведь нельзя сказать, что писатель Николай Воронов жил в изоляции и его перестали печатать, как предрекали партийные альберты?**

– И тут я хочу подчеркнуть, что в ту пору меня поддерживали... пермяки. Когда в ЦК пригрозили: если я не соглашусь с критикой, меня три года не будут публиковать, в Пермском книжном издательстве напечатали мою книгу повестей и рассказов «Женское счастье». И она меня подперла экономически. Я привел меня к пермякам не кто иной, как Виктор Астафьев, с которым мы тогда подружились. Мало того, после нападок на меня и обсуждения моей «Юности...» Виктор написал два протестующих письма. Замечательные по красоте и силе воздействия письма! Их, конечно, тогда не опубликовали. А Георгий Марков, которого обычно представляют литературным генералом, потому что он долгое время был первым секретарем Союза писателей СССР, после обсуждения моего романа на секретариате нашел замечательную формулировку: «Публикация неизбежна!» И, дабы обеспечить мне защиту, предложил первому заместителю Александра Чаковского Виталию Сырокомскому взять меня в обозреватели «Литгазеты» «на фиска – то есть на прочный клад».

– **Вами написан целый свод произведений, среди которых романы «Похитители солнца», «САМ», «Котел», «Побег в Индию». Но все-таки человек, чью изобразительную силу Твардовский сопоставлял с уровнем Аксакова и Пришвина, не может, глядя на сегодняшних литературных фаворитов, не испытывать горечи. В «Истине о самом себе. О Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни и о тех, кто оклеветан» (его начала печатать газета «Магнитогорский металл») я нашел этому подтверждение: «Спохватился: если ты есть прозаик, то в прошлом, и смотрят на тебя собирать, как сквозь окопную тусклоту в городе металургов». И это касается не только вас, но и других писателей, по которым прошла волна смены вех. Однако сие ведь**

не означает, что нет такого прозаика Воронова. Я бы даже сказал так: есть сделавшийся незримым классик Николай Воронов. Отчего классики в России иногда становятся незримыми?

– Это сложный вопрос, распрямляя который мы выйдем на целую цепочку следов. После публикации в «Новом мире» «Юности в Железнодорожке» в журналах и издательствах в разное время было напечатано несколько моих вещей. Тоже не без скандалов. Но я в это время создал два романа-фантазии. Один, как вы уже сказали, назывался «Похитители солнца». И его не удалось напечатать в Москве – он был опубликован в журнале «Урал». Когда был издан другой роман – «САМ», моя внучка стала называть меня фантазитором. Почему после реалистического романа я обратился к жанру антиутопии? Обжегшись на молоке, дуют и на воду? Да нет, прежде всего меня толкнула на это возможность большего обобщения человеческой истории применительно не только к нашей стране, но и к человечеству в целом. Для того чтобы постичь главного руководителя и дать его исчерпывающий портрет в романе «САМ», я усиленно читал о многих предводителях разных государств. И в результате, как мне кажется, написал портрет человека, который, обладая гением, был антинароден. Поскольку мой роман вышел в «Советском писателе» в 1988 году, многие увидели за образом главного героя Михаила Горбачева, хотя я его не имел в виду вообще, потому что, когда подступал к своему персонажу, Горбачев еще даже не вошел во власть. Кстати, этот роман издавать боялись. И после его выхода в свет хотя и появилась хорошая пресса, ее было немного, потому что люди помнили, как меня оаживали за «Юность в Железнодорожке».

Все-таки удар по моей «Юности...» какое-то количество моих читателей оттолкнул, оставив за мной небольшую их часть. Однако эта пристальная часть мне писала: «Но мы-то знаем, что все вами предсказанное – эра сержантов, секс-религия и «император Болт Бух Грей» – планомерно осуществляется в нынешней российской Самии». Вот почему в этой Самии Вороновы неуместны и их охотно делают незримыми.

– **Вы, наверное, помните, как звучит эпиграфа, найденная после кончины в письменном столе Астафьева? «Я пришел в мир добрый, родной. И любил его безмерно. Ухожу из мира чужого, злобного, порочного. Мне нечего сказать вам на прощанье». Многие ставят этот жесткий вздох ему в вину – дескать, не в лучшую пору написано. Но разве не прав Виктор Петрович? И не ту ли Самию он имел в виду, уходя?**

Астафьев относится к той небольшой группе писателей, которые еще в советскую пору оценили сложность и опасность нашего существования. В данном случае – России и ее народа. Виктор, когда приезжал в Москву на ВАК, а я всякий раз, приезжая в столицу, у него бывал, как-то мне сказал: «Вот мы здесь несколько человек подумали и решили, что бывшую империю советская власть превратила в колонию. Хуже, чем Россия, никто из федеративных республик не живет. Мы пребываем в глубоком убеждении, что за счет России и русского народа делахис и делаются тяжелейшие вещи». И тут я не мог не согласиться с Виктором.

– **Да, но астафьевская эпиграфия относится не только к тому времени, о котором вы сейчас вспоминаете, она, на мой взгляд, больше о послеперестроечном десятилетии XX века...**

– Что касается той оценки, которую вы приводите, я думаю, у Астафьева есть в ней перебор. Я его роман «Прокляты и убиты» так и не принял. Он там уда-

рился, конечно, в нечистоты. У Виктора Петровича произошел какой-то сильный морально-психологический сбив, который возник в результате его личных переживаний и переживаний о судьбе страны. Особенно – того страшного открытия, о котором я сказал выше, когда империю превратили в колонию.

– **Вы – один из тех, кто описывал жизнь рабочего класса. Сейчас это понятие практически вышло из оборота. Теперь мы то и дело слышим: «Наемные работники». Может быть, рабочего класса вообще больше не существует как класса? Или он перестал быть объектом художественных наблюдений?**

– Я считаю, что в советскую пору к рабочим людям проявляли самый живой интерес и относились с должным уважением. Рабочие люди, они ведь делают все – от спичек до космических ракет. А сейчас рабочий класс унижен. Это даже не рабочий класс, а действительно наемные работники, если не рабы. Унижаемые зачастую зарплатой, тем, что им не выдают бюллетени и могут выбросить на улицу по мановению руки прикатившего из столицы хозяина или назначенного им менеджера. О нынешнем рабочем классе молчат литература, телевидение и кинематограф. Зато взахлеб говорят и пишут о бандах, авторитетных бизнесменах, проститутках, бомжах, садистах и серийных убийцах. Это затыкной мерзкий плевок в самую сердцевину России. И хотя мне удалось узнать наше общество во всем его многосложном состоянии, изображение и постижение рабочего человека было и остается для меня первостепенной потребностью вне расчета и каких-либо внеэрастных целей. Поэтому в последнее время я издаю в основном в родном мне Магнитогорске и на книгах моих обозначена серия «Литература Магнитки», которая печатается под патронатом все той же редакций газеты «Магнитогорский металл», «Литература Магнитки» – это противовес всем тем сериалам и серийным персонажам, которые вышли сегодня на первый план в литературе внешней.

– **Стало быть, есть литература внутреннего? Кто-то может парировать: тем самым вы подражаете – существует «Литература Магнитки», «Литература Кузбасса» (далее проставьте любой подходящий регион) и... русская литература?**

– Что касается внешнего ядовитого облака современной словесности, то за редким исключением язык не поворачивается назвать ее русской. Если речь о «Литературе Магнитки», то еще пацаном я наблюдал, как магнитный железняк притягивает иголку. Потом написал в «Юности...», как «иголка дрожала и пританцовывала, стоя на ушке». В данном случае я хочу подчеркнуть: при всей нынешней сложности российского бытия сегодня вокруг горы Магнитной, словно притягиваемые ею, сберегаются поэтические и прозаические силы России. Сейчас литература, не поддерживаемая государством и мало поддерживаемая спонсорами, развивается не менее стремительно, чем в советскую пору. Даже, может быть, сильнее. И я – один из предшественей этой большой и, если хотите, внутренней литературы.

– **Но если все-таки оттолкнуться от высказывания Астафьева про «уход из мира чужого и злобного», какую бы оценку дал Николай Воронов современной российской действительности?**

– При всем при том, что в России произошли тяжелые изменения, обрушившие нашу страну нравственно и разделившие людей по достатку, включая падение уровня художественной литературы и культуры в целом, я вместе с тем обнаруживаю: этот период примечателен тем, что очень рано возбуждает в нашем народе сильные таланты. И даже существуют таланты, которым нет и двадцати лет. В том числе на Урале. И при всех очевидных разочарованиях и безотрадности, которые сопровождают нашу ежедневную жизнь, есть очарование и красота ☺

ЮРИЙ БЕЛИКОВ,
сборкор «Литературной газеты»,
Переделкино-Пермь
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ